

ФОТО: АНДРЕЙ МАКАЙ

Покупать картины гораздо приятнее, чем машины

Миша Ленн: «Я – гений с бумажкой»

Множество поклонников обрел в Алматы американский художник Миша Ленн. В первый же день после вернисажа несколько его картин обрели своих хозяев. Дальше – больше. В эксклюзивном интервью корреспонденту «Известий-Казахстан» Вере Петровской акварелист рассказал о своем многогранном творчестве, привычках и увлечениях.

Вопрос: Миша, как вы начали заниматься рисованием?

Ответ: Все решил случай. Поначалу я четыре года учился играть на рояле. Как-то мы с родителями пошли в гости, и там меня попросили нарисовать картинку, на которую обратила внимание куратор художественных школ Санкт-Петербурга. Она предложила мне заняться рисованием. У меня тут же возник вопрос к родителям: «Если я буду рисовать, надо ли заниматься музыкой?». С этого момента жизнь изменилась. Я окончил художественную школу, потом знаменитую Академию искусств имени Мухиной. Был очень прилежным учеником. Прогуливал историю КПСС, но и только. Так я сел в автобус, который повез меня в искусство. Собственно, я больше ничего не умею делать. Я этим

В: Есть ли у вас работы, которые вы ни за что не хотите продавать?

О: Как-то я написал одну девушку и представил картину на выставке, назначив цену в 25000 долларов, хотя остальные картины продавал по 2000 долларов. Только таким образом можно оставить картину себе. Никто ее не решился приобрести. Кстати, забавно – гобелен, который я привез в Алматы, сразу же купили. И мне обидно было с ним расставаться (смеется).

В: Работаете ли вы еще в какой-то технике кроме акварели?

О: Нет, не могу. Другие техники не чувствую. Акварель – до глубины души моя. К слову, занятия музыкой я не оставил и увлекаюсь джазом. А джаз, как известно, не терпит какой-либо конкретики. Есть

дышу, живу, и, пусть это прозвучит не скромно, зарабатывать хорошие деньги. Мне кажется, что представление о том, что художник должен быть бедным и несчастным, неверное. Тем более что стиль, в котором я работаю, — сама жизнерадостность. Ну как я могу быть голодным и изображать такие вещи? Это нереально.

В: Как вас приняла художественная среда Санкт-Петербурга?

О: Вы знаете, очень неплохо. Я оказался среди людей, занимавшихся шоу. Сначала я оформил конкурс «Ленинградская красавица». Но до стиля, в котором работаю сейчас, было еще далеко — ему всего около пяти лет. Постепенно появились проекты на телевидении, в печати. Мое имя стали узнавать. И вдруг меня пригласили в Америку в гости. У меня и в мыслях не было эмигрировать. Зачем уезжать, если жизнь бьет ключом? Но через полгода, когда истек срок визы, друзья уговорили меня остаться. Я подал заявление на визу для людей с экстраординарными способностями в науке, культуре и спорте. Для этого я по всему миру собирал рекомендательные письма и в итоге получил визу для гениев. Звучит красиво, правда? С тех пор не без гордости говорю, что я — гений с бумажкой (*смеется*).

В: Тем не менее было бы странно предположить, что на вас сразу посыпалась манна небесная...

О: Если считать, что Америка и Россия — это два здания, то, чтобы попасть в другое здание, нужно сначала спуститься на землю, перейти улицу и снова начать подниматься. Причем без лифта! На восхождение у меня ушло десять лет. Но успех приходит только тогда, когда свято веришь в то, что ты и вся твоя жизнь направлены на достижение цели. Так как я живу один, мне несколько проще. У меня нет ответственности перед семьей.

В: На вернисаже в Алматы вы помимо картин представили еще и гобелен. Это новая грань творчества?

О: Именно. Последние несколько лет я создаю и функциональные вещи. Картина, как бы она ни была хороша, пользы в прямом смысле слова не приносит. Поэтому я переключился на гобелены, шарфики, вазы. Разрабатываю этикетки для вин. Очень хочу заняться скульптурой, создавать витражи. Однако это не означает, что я заброшу рисовать картины или перестану обращать внимание на оформление Венских балов, скачек и тому подобного.

В: У вас есть арт-менеджер? При таком количестве заказов он просто необходим.

О: Нет. В любой профессии очень сложно найти людей, которые занимаются ею не только из-за денег, а еще и из-за желания и веры. Я пока такого человека не встретил. Поэтому веду свои дела сам и сам же занимаюсь продажей. Но тут есть нюанс. Когда продаю свою картину, естественно, я хочу, чтобы вы заплатили деньги. Но это второй вопрос. Самое важное для меня — я хочу, чтобы вы ее имели, потому что это отличная вещь! Она всегда будет радовать глаз, поднимать настроение. Такая моя эмоциональность всегда в помощь. Разве это не счастье, когда ты можешь в лучшую сторону изменять настроение людей? Хотя никаких навороченных сюжетов в моих работах нет. Что здесь особенного я изобразил? Обыкновенную женщину. В жизни есть два вопроса, на которые мы отвечаем, — «что» и «как». Думаю, вопрос «что» — это тема. Но я вряд ли могу сказать людям что-то такое, чего они еще не знают. Зато через свое восприятие мира могу ответить на вопрос «как».

тема, которая в зависимости от настроения выходит удачной или неудачной. И никогда не знаешь, что получится в итоге. Так же и акварель. Я наношу мазок и не знаю, как он ляжет, куда пойдет. Как будто бы это зависит от меня... Но ведь еще и от Всевышнего. Акварель, кстати, так и называется — «божественной техникой». Ты являешься руками Творца. Ой, вот говорю это сейчас, и мурашки бегут по телу! Бывало несколько раз, когда я ловил себя на мысли, что кто-то или что-то ведет моей рукой. Самое интересное, что как только я это понимал, все исчезало. Что это — провидение или муза?

В: Скажите, от какого предложения вы можете отказаться?

О: Если меня попросят изобразить натюрморт или озеро, я откажусь. Это не ко мне. Моя стихия — движение. С другой стороны, я могу нарисовать девушек, бегущих вдоль озера. Но оно в любом случае будет играть второстепенную роль. То же и с натюрмортом. Лучше я изображу девушек с фруктами в руках.

В: Вы все о девушках. Мужские образы не жалуете?

О: Да, женщин люблю сильнее (*смеется*). Они дают мне больше заряды эмоций!

В: Бывает ли, что у вас что-то не получается?

О: Знаете, в работе самое сложное и непонятное — как раз-таки если получается. Когда видишь, что у тебя все «идет», становится немного страшно, потому что ты боишься сорваться, не довести на должном уровне дело до конца. А вот когда не получается, ты не боишься. Чего люди больше всего опасаются в жизни? Неизвестности. Если я знаю, что уже все плохо, я могу попытаться что-либо изменить к лучшему.

В: Что-то мы с вами все о возвышенном. Может, спустимся на землю? Скажите, что вы любите есть?

О: (*смеется*). По большому счету, особой разницы нет. Могу простой супчик с хлебушком, а могу и деликатесы. Я люблю суши. Но если их в данный момент достать нельзя, капризничать не стану. Я вообще спокойно отношусь к дорогой еде, одежде, аксессуарам и деньги на них особо не трачу. Довелось мне с одной известной писательницей работать над книгой о моде. Она решила мне купить шапочку в подарок. В дорогом магазине ее спросили: «Какой бренд вы предпочитаете?». А она ответила так: «Человек, которому я покупаю подарок, — сам бренд». У меня есть джип. Но автомобиль такого класса я выбрал вовсе не из-за понтов, а потому что мне нужно перевозить картины.

В: Вы же получаете хорошие деньги. Но вместе с тем равнодушны к вещам, на которые, казалось бы, они и нужны. Простите, но я уподоблюсь Остапу Бендеру: «Киса, зачем вам столько денег?»

О: Ну я уже не бегаю за деньгами. Просто не могу просить за свои работы меньше, чем раньше. Я востребован — и это прекрасно. Некоторую часть средств вкладываю в производство. Те же гобелены мне никто за мои красивые глаза не соткет. Но у меня есть и слабость: я покупаю картины. У меня есть произведения Пикассо, Сезанна, Миро и многих других выдающихся мастеров. Вот это дело, в которое я серьезно вкладываю заработанное. Для меня иметь картину выдающегося художника гораздо приятнее, чем машину последней модели. А недавно я увлекся собиранием нэцке. Когда я держу в руках эти маленькие кусочки истории, это такая интоксикация — даже выпивать не надо! (*смеется*)